

На оживлённом перекрёстке ярко выделялся рыжеволосый мужчина. Опустив взгляд к экрану телефона, он едва заметно улыбался. Левый карман его куртки слегка топорщился — там угадывались очертания небольшой квадратной коробочки, обтянутой алым бархатом.

«Малыш, жди, я уже почти приехал».

Загорелся зелёный. Нажав «отправить», он лёгким шагом ступил на зебру.

И в то же мгновение улицу прорезал оглушительный рёв мотора.

Краем глаза Чжоу Цзыфэй успел перехватить искажённое яростью лицо Юй Сянхана за рулём. Под визг тормозов первым порывом Цзыфэй было не уклониться, а мёртвой хваткой прижать к груди коробочку в левом кармане.

Страшный удар швырнул его на асфальт.

Мир закружился. Глядя в серое небо, Цзыфэй из последних сил боролся с накатывающей темнотой.

«Нельзя терять сознание... Шэнь Цзя испугается, опять станет винить во всём себя... Ему ведь только-только стало лучше, он просто не выдержит...»

Кровь струилась по виску. Дрожащие пальцы Цзыфэй сжались сильнее, не позволяя бархатной шкатулке выскользнуть.

И ещё это... Это нельзя испачкать.

Чжоу Цзыфэй медленно открыл глаза. Сквозь мутную пелену он разглядел точёный силуэт, сидящий у края койки, — мягкие длинные волосы рассыпались по плечам.

— Малыш... — с трудом просипел он, бессознательно комкая пальцами простыню.

Сидевшая обернулась.

Это была Чжоу Цзыхуань.

Под её глазами залегли тёмные тени. Повернувшись на звук, она замерла, и её лицо озарилось облегчением:

— Цзыфэй, ты очнулся?

Узнав сестру, он постепенно пришёл в себя. Попытался приподняться, но силы изменили ему; в слабом голосе звучала необъяснимая паника:

— Где Шэнь Цзя? С ним всё в порядке?

— Не дёргайся, — Цзыхуань мягко удерживала его за плечо. — Шэнь Цзя пошёл за результатами обследования, сейчас вернётся.

Только тогда напряжение спало. Цзыфэй облегчённо перевёл дух и откинулся на подушку.

В ту же секунду дверь палаты распахнулась.

— Цзыфэй!..

Шэнь Цзя застыл на пороге с пачкой бланков в руках. Встретившись взглядом с Цзыфэем, он замер, словно поражённый громом. Листы выскользнули из пальцев и белым веером рассыпались по полу.

— Почему ты так долго... — с детской обидой прошептал он.

Голос звучал почти невесомо, будто он боялся спугнуть наваждение, а слёзы по бледным щекам удерживать больше было нечем — хлынули слёзы.

Вся выдержка, которую Шэнь Цзя изо всех сил сохранял эти дни, рухнула в одно мгновение. Он вцепился в дверной косяк, мелкая дрожь сотрясала всё его тело.

Цзыфэй смотрел на него, и влага подступала к глазам. Всего за три или четыре дня Шэнь Цзя осунулся. Тёмные пряди липли к щекам, отчего и без того хрупкое лицо казалось совсем крошечным, подбородок заострился, губы поблекли.

Сердце Цзыфэя сжалось от боли. Он протянул к нему руку и, постаравшись улыбнуться, тихо произнёс:

— Не плачь, сокровище. Вся опасность миновала.

Эти слова окончательно сломили Шэнь Цзя. В несколько шагов преодолев расстояние до койки, он бережно сжал протянутую ладонь и прижался к ней лицом. Горячие слёзы мгновенно окропили пальцы Цзыфэя. Шэнь Цзя зарыдал — плечи его судорожно вздрагивали, а Цзыфэй привлёк его к себе и поглаживал по спине.

Увидев, как они прижались друг к другу, Цзыхуань бесшумно выскользнула за дверь.

— Ну всё, всё... Я рядом...

Цзыфэй нежно гладил по волосам и плечам всё ещё дрожащего Шэнь Цзя. В его голосе ещё слышалась слабость, но руки держали крепко. Шэнь Цзя лишь тише всхлипнул, продолжая мёртвой хваткой судорожно сжимать больничную пижаму на его груди.

Ему было безумно страшно. За эти бессонные ночи он так и не смог сомкнуть глаз: стоило погрузиться в темноту, как перед взором возникало бледное, неживое лицо Цзыфэя. Шэнь Цзя понимал: он не сможет быть сильным в одиночку. Цзыфэй не имел права подарить ему столько любви и тепла, а потом просто взять и бросить.

— Почему... почему ты так долго не просыпался?! Ты хоть понимаешь... ты понимаешь...

В бессильной досаде Шэнь Цзя уткнулся носом в его грудь и прикусил пуговицу на пижаме, бормоча что-то невнятное.

— Что я должен понимать? — со сбыточным терпением спросил Цзыфэй, сгоняя тёплым большим пальцем холодные дорожки слёз с его щеки.

Шэнь Цзя молчал. Разомкнув зубы, он поднял голову и сквозь влажные ресницы впился взглядом в лицо Цзыфэя. Его губы дрогнули.

Цзыфэй подался вперёд, намереваясь поцеловать его, но в следующую секунду Шэнь Цзя с неожиданной яростью вцепился ему в воротник.

Горячее прикосновение к губам мгновенно сменилось острой болью. Шэнь Цзя впервые показал свои «коготки»: он прокусил его губу, пока во рту не разлился солоноватый металлический вкус крови.

Цзыфэй оторопел. Такой вспышки от обычно кроткого Шэнь Цзя он никак не ожидал.

Опаляющее, прерывистое дыхание обжигало кожу. Боль от укуса окончательно вернула Цзыфэю ясность мысли, и вслед за этим в груди поднялся запоздалый липкий ужас.

Ужас от мысли, что он мог действительно не проснуться.

Что Шэнь Цзя так и остался бы изводиться у этой койки — без сна, без еды, выплёскивая остатки сил в бесконечных слезах.

Что их история могла прерваться вот так — жестоко и нелепо.

— Ммм!..

Шэнь Цзя охнул, когда сильные руки сжали его и опрокинули на кровать. Знакомое, тяжёлое тело прижало его к матрасу, и горячие, торопливые поцелуи осыпали его лоб, брови, веки и губы.

— Сокровище... я так испугался, — глухо прошептал Цзыфэй ему в самое ухо, едва сдерживая сухой всхлип. — Испугался, что если умру, ты будешь плакать изо дня в день... А через пару лет забудешь меня и будешь с кем-то другим...

У Шэнь Цзя кружилась голова. Вся его фигура одеревенела, он замер под Цзыфэем, не в силах шевельнуться. Сколько раз за эти ночи в полусне ему мерещилось, будто Цзыфэй обнимает его, но стоило протянуть руку или открыть глаза — и иллюзия таяла, оставляя лишь неподвижное тело на больничной простыне.

«Да знаешь ли ты, как сильно я тебя ненавижу?!»

Шэнь Цзя сжал зубы так, что заболела челюсть. Несказанные слова комом встали в горле, причиняя физическую боль при каждом вдохе.

Уловив невнятный шёпот, Цзыфэй наклонился ниже и подушечкой пальца разжал его прикушенную губу, прислушиваясь.

Шэнь Цзя судорожно выдохнул, затем сжимая пальцы в кулаки, обвил руками его плечи и со всей силы ударил его в спину.

— Я ненавижу тебя! Слышишь, ненавижу!

— Почему ты не увернулся от машины?! Почему спал так долго?! Не хотел меня видеть, да?! Поэтому не просыпался?!

— Чжоу Цзыфэй, ты...

Цзыфэй накрыл его губы своими.

Это был их первый поцелуй за все эти дни. Шэнь Цзя обмяк, по спине пробежала дрожь, и кулаки, которыми он только что колотил Цзыфэя, слабея, опустились. Цзыфэй отвёл его руки за голову и переплёл свои пальцы с его.

Ощувив прикосновение мозолистой, широкой ладони, Шэнь Цзя зажмурился. Горячая слеза скатилась по виску, впитываясь в ткань подушки.

Цзыфэй касался губами его ушной раковины, шепча:

— Я люблю тебя... Господи, как же я тебя люблю...

И сердце Шэнь Цзя, бьющееся в тревоге все эти дни, наконец замерло в долгожданном покое. Изнуряющая усталость накатила вместе с чувством безопасности, медленно погружая его в сон.

Цзыфэй бережно пропускал сквозь пальцы шелковистые тёмные пряди. Шэнь Цзя доверчиво прижимался к нему, уткнувшись лбом в плечо и крепко обвив руками его талию.

Тепло его тела, его безграничное доверие... Как же хотелось Цзыфэю просыпаться так каждый день всю оставшуюся жизнь.

Вдруг его рука замерла. Он потянулся к тумбочке, чтобы взять телефон — во время их недавней бури гаджет дважды тихо вибрировал.

На экране горело сообщение от Цзыхуань с прикреплённой фотографией. На ладони сестры лежал тот самый бархатный футляр.

«Оно у меня. Когда заберёшь?»

Он осторожно высвободился из объятий Шэнь Цзя, укрыл его одеялом и легко коснулся губами разругавшейся щеки. Затем поднялся и вышел.

Цзыхуань ждала в коридоре. Она расслабленно прислонилась к стене; мрачное выражение прошлых дней сменилось сдержанной теплотой.

— И что дальше? — Её взгляд скользнул по его бесформенной пижаме и короткому ёжику волос, оставшемуся после операции. — Нужно помочь с подготовкой?

Цзыфэй смущённо кашлянул и поправил ворот, автоматически проведя рукой по коротко стриженным волосам.

— Где оно?

Цзыхуань достала из кармана футляр и вложила ему в ладонь.

— Ты точно уверился? — тихо спросила она, не сводя с него глаз.

Цзыфэй сжал бархатную коробочку, ощущая подушечками пальцев её мягкую текстуру.

— Уже давно.

Он обернулся к двери палаты, будто глядя сквозь непрозрачное стекло на спящего внутри человека.

— Не хочу ждать больше ни секунды.

Цзыхуань немного помолчала, затем едва заметно улыбнулась и поправила ему воротник:

— Тогда иди.

Вернувшись в палату, Цзыфэй присел на край койки. Шэнь Цзя всё так же спал, обняв подушку, словно свернувшийся в клубок котёнок.

«Именно сейчас», — подумал Цзыфэй, всматриваясь в его родное лицо.

Не потому, что всё было идеально спланировано. Как раз наоборот: на нём висела больничная пижама, голова была замотана бинтами, а у Шэнь Цзя залегли тёмные круги под глазами и помялась одежда.

Но именно эта неприкрытая настоящесть, эта общая израненность окончательно лишили его сомнений.

Когда-то он сотни раз представлял, как сделает предложение: в саду, утопающем в цветах, при мерцании свечей, под нежные звуки музыки. В тот день, когда они оба будут безупречно одеты и абсолютно счастливы.

Но удержать порыв быть с Шэнь Цзя навеки оказалось невозможно.

Без цветов. Без романтического ужина. Без вечерних костюмов.

Ничего из того, что он планировал, не было. И всё же именно этот момент казался самым правильным.

Спустя некоторое время ресницы Шэнь Цзя затрепетали. Он медленно открыл глаза и, ещё не окончательно страхнув сонную пелену, туманным взглядом уставился на Цзыфэй.

— Проснулся? — тихо спросил Цзыфэй.

Шэнь Цзя инстинктивно подался навстречу, прижавшись щекой к его ладони. Цзыфэй бережно помог ему приподняться.

— Глотни водички, сокровище.

Он поднёс к его губам стакан, и Шэнь Цзя послушно сделал несколько небольших глотков.

Цзыфэй взял его свободную руку и стал нежно поглаживать пальцы, задерживаясь у основания безымянного.

Все пышные сценарии потеряли смысл. Он вспомнил, как в секунду аварии инстинктивно прикрыл карман куртки, как рвался из небытия обратно к жизни, как увидел распухшие от слёз глаза Шэнь Цзя, едва открыв веки.

Жизнь слишком хрупка, а они и так потеряли слишком много времени. Пора связать их судьбы воедино — здесь и сейчас.

— Малыш... В тот день, когда ты ушёл на работу, я ездил кое-куда, — медленно проговорил Цзыфэй, заглядывая ему прямо в глаза.

Шэнь Цзя замер, чувствуя, как внутри всё сжимается от предчувствия чего-то невероятно важного.

— Куда?.. — едва слышно выдохнул он.

Цзыфэй подался ближе и извлёк из-за спины левую руку:

— Я ездил за подарком. Хотел отдать его тебе... И вместе с ним — вот это.

Он мягко взял Шэнь Цзя за запястье и прижал его ладонь к своей груди слева. Под тонкими пальцами бешено, гулко билось живое сердце.

В палате царила тишина. Дневной свет пробивался сквозь жалюзи, расчерчивая пол золотистыми полосами.

Опираясь на койку, Цзыфэй с трудом опустился на одно колено — травмированное тело

отозвалось болью, но он даже не поморщился.

С щелчком откинулась крышка коробочки. Сделав глубокий вдох, Цзыфэй поднял взгляд на онемевшего Шэнь Цзя и произнёс — тихо, с едва уловимой дрожью в голосе:

— Учитель Шэнь... Самый лучший человек на свете. Выйдешь за меня?

И кольцо, и сердце, и вся его дальнейшая жизнь — отныне всё принадлежало только Шэнь Цзя.

Только сейчас. Только он. В этой жизни, в следующей — навеки.

Шэнь Цзя стоял как вкопанный под белым светом лампы, переводя ошеломлённый взгляд со стоящего на колене Цзыфэя на алый футляр.

В глазах мгновенно закипели слёзы.

На бархатной подушечке покоился платиновый ободок с изящной гравировкой, мягко переливающейся в свете.

Шэнь Цзя никогда не думал, что судьба подарит ему второй шанс на такое кольцо. Что кто-то снова выберет его, позовёт идти рука об руку через жизнь и захочет построить с ним семью.

Этот юноша, преодолевший пропасть в семь лет, шаг за шагом пробивавшийся к нему через все его страхи, бредни и раны, стоял перед ним и просил принять его любовь.

Согласиться? Принять?

Собственное сердце оглушительно колотилось, словно тропический ливень, рушащийся на землю. Но после этой бури не осталось ни страха, ни боли — лишь чистая, светлая надежда, подаренная Цзыфэем.

Все прошлые несчастья растаяли без следа.

— Да, — сквозь слёзы выдохнул Шэнь Цзя, но голос его звучал твёрдо. — Самый лучший в мире гонщик Чжоу Цзыфэй... заberi меня с собой.

Заberi меня туда, где есть только цветы и любовь. Я готов снова шагнуть за тобой в неизвестность.

Слёзы брызнули из его глаз, капая прямо в ладонь Цзыфэя, бережно подставленную снизу.

Оказывается, от счастья тоже плачут.

Вот только с этих пор ни одна капля не упадёт на землю забытой — каждую с нежностью подхватят родные руки.

<http://bllate.org/book/19971/1986105>